

УДК 801.73+91'42

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАДИГМЫ В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА

М.В. Оборина

Тверской государственный университет, Тверь

Лингвокультурные парадигмы существуют в синтагматическом пространстве текста как его жанровые доминанты. Герменевтические стратегии, предметизованные в текстах как их жанровые доминанты, поддаются усмотрению в виде метасмыслов текста и метасредств их моделирующих.

Ключевые слова: лингвокультурная парадигма, жанровая доминанта, герменевтическая стратегия, баланс текстообразующих тенденций, семантическая неопределённость, метасмыслы, метасредства.

Жанровые доминанты текста представляют собой способы существования лингвокультурных парадигм в синтагматическом пространстве текста. Конкретные реализации (модели) той или иной парадигмы лингвокультуры определяются формами бытия и герменевтическими стратегиями, существующими в данную культурную эпоху. По закону устойчивости смыслов текста, которая связана с устойчивостью текстовых средств, герменевтические стратегии разных лингвокультур являются взаимопроницаемыми и потенциально понятными. Предметизованные в текстах как жанровые доминанты герменевтические стратегии поддаются усмотрению в виде метасмыслов текста и моделирующих их метасредств. В своём развитии герменевтика пришла к осознанию своего статуса искусства понимания и его онтологии, и фокусом изучения постепенно стали не просто тексты, а исторически сложившиеся формы сознания в виде специфики герменевтических стратегий той или иной лингвокультуры.

«Отныне интерпретирующие усилия отдельной традиции, какими бы странными они ни казались ... свидетельствуют об определённом виде экзистенции, об определённой форме понимающего бытия» [4].

Герменевтическая стратегия может рассматриваться в двух аспектах – как интерпретация мира, выраженная в текстах, и как те понимающие стратегии, которых требуют сами тексты. Это делает необходимым использование техник понимания – в частности, опредмечивания и распредмечивания – при создании и восприятии текстов культуры. Лингвокультурные эпохи могут иметь точки пересечения герменевтических стратегий – яркими примерами параллелей являются культура Серебряного века в России, искусство прерафаэлитов в Англии, культура эпохи Возрождения в Италии. Живя в едином континууме «бытия –

сознания» (дискурса), тексты одновременно включают в себя свойства сознания и объективной реальности, что ведёт к множественной потенциальности реализаций герменевтической стратегии.

Невозможность выбора сознанием одной эмпирической версии – авторской или любой из интерпретаций современников – заложена в самом тексте [1]. Непредставимость смысла не равнозначна его отсутствию, она равнозначна его множественной потенциальности, имплицитной средствами текста. По словам М. Мамардашвили, поэтика любого текста постоянно меняется и живёт в лингвокультурном пространстве – «текст не только написан, но и собою исполняем и производим» (цит. по [1]). Так, по закону феноменологической редукции – одной из техник понимания – произведение говорит только о себе самом.

Феноменологичность текстов (и здесь мы вновь обращаемся к утверждению о возможных точках пересечения лингвокультурных парадигм, реализуемых в жанровых доминантах текстов античности и текстов Серебряного века) заключается в том, что они не объясняют, а показывают. В своей «Поэтике» Аристотель говорит об особом подражании (мимесисе) у Гомера – не описывать, а показывать, указывать на самое себя. Художественный текст представляет собой другое измерение по отношению к тому, что изображается; он указывает только на самое себя как на то, что изобразить нельзя. Образность в таких текстах экфрасична, во многих исследованиях говорится о метонимичности образности у Мандельштама (ср. известный пример экфрасиса – описание щита Ахиллеса у Гомера). Итак, существенной общей чертой двух культурных нарративов можно назвать феноменологичность герменевтической стратегии античности и Серебряного века. Семантическая неопределённость как приём и способ существования смыслов в текстах становится ведущим принципом этой стратегии. Синтагматика текста реализует парадигматические отношения в форме контекстов, подстановка которых становится одной из читательских стратегий (техник понимания), направленных на усмотрение смыслов. Контекстуальность заменяет интегративность и охватывает «множество контекстов, на которые спроецировано произведение» [3, с. 9–10].

Отношением к культуре и реальности текстами Серебряного века заимствуется, по признанию многих исследователей, у античности (см. [2]). Семантическая неопределённость получила статус жанровой доминанты. Понимание художественных текстов Серебряного века требует восстановления общего контекста, в котором размытые содержания приобретают хотя бы расплывчатый смысл, «такую ситуацию, которую могли бы описывать или в которой могли бы быть произнесены читаемые строки» [цит. раб., с. 43]. Принцип семантической неопределённости, таким образом, реализуется не только на уровне значений, но и на уровне содержаний и смыслов (смыслов как той «конфигурации связей

и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создаётся или восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения» [12, с. 91]). Восстановление контекстов дискурса с помощью таких техник понимания, как интендирование, феноменологическая редукция, герменевтический круг приводит к усмотрению смыслов. Распредмечивание смыслов при этом не снимает неопределённости, а лишь указывает на возможность существования той или иной смысловой грани.

В частности, для Мандельштама (контекст идиолекта писателя) «эллинистическое тепло» порождает некое всеобщество, в котором «предметы легко меняются именами». В текстах прозаического цикла «Феодосии» метасмысл всеобщества реализуется в форме непрерывного параллелизма объектов и тем: тождества как видимого, так и имплицитного. Так, в рассказе «Начальник порта» главный герой выступает и как реальный человек (нарисованный с помощью детального описания кабинета, привычек, обязанностей, распорядка дня), и как Одиссей, совершающий свой путь с остановкой в Феодосии, или бог морей Нептун, заботы которого далеки от простых смертных. Жители слободки в рассказе «Старухина птица», чьё происхождение описано с устрашающей точностью, одновременно являются жителями древнего Геркуланума, уничтоженного по воле рока. Мазеса да Винчи – это Моисей и художник, стремящийся сохранить вокруг себя свой мир, не пустить туда новое время (оба мира представлены объектно и фрагментарно).

В статье «Слово и культура» О. Мандельштам пишет, что «слово не обозначает предмета, а свободно выбирает, как бы для жилья, ту или иную предметную значимость, вещьность» [8, с. 215]. Словоцентризм прозы поэта основан на том, что «русский язык – язык эллинистический», и это значит, что слово его сохраняет свою внутреннюю форму – «плоть», «звучащую и говорящую», «деятельную». Подлинный, «внутренний» или «домашний эллинизм», по словам поэта, «адекватный духу русского языка», – «это сознательное окружение человека утварью вместо безразличных предметов, превращение этих предметов в утварь, очеловечивание окружающего мира, согревание его тончайшим телеологическим теплом» [7]. Мандельштам считал, что слово нагружено наследиями вековых культур, хранящимися в его памяти. Поэтому слова (словообразы) у Мандельштама переходят из текста в текст, сохраняя прежние контексты и приобретая новые, становясь отдельными феноменами. Словообразы в текстах рассматриваемой лингвокультуры опираются на слово как минимальную полноценную единицу художественного образа. Материал осуществлён в чувственно воспринимаемой форме, а обозначаемое концептуализировано, т.е. наделено произвольным смыслом. Приведём пример из рассказа «Старухина птица» (курсив наш – М.О.).

«Если выйти во двор в одну из тех *ледяных крымских ночей* и прислушаться к звуку шагов на *бесснежной глинистой земле*, подмёрзшей, как наша *северная колея в октябре*, если нащупать глазом в темноте *могильники населённых, но погасивших огни городских холмов*, если хлебнуть этого *варева притушенной жизни*, замешанной на *густом собачьем лае и посолённой звёздами*, – физически ясным становилось ощущение спустившейся на мир *чумы*, – тридцатилетней войны, с *моровой язвой, притушенными огнями, собачьим лаем и страшной тишиной* в домах маленьких людей».

Выделенные курсивом словообразы существуют одновременно в двух смысловых плоскостях, их неопределённость сводится к принадлежности двум художественным реальностям – описываемой эксплицитно (в смысле богатства форм представленности), и имплицитной (требующей подстановки дополнительных контекстов), что приводит к порождению нового, третьего смысла.

Таким путём, вслед за античностью, Серебряный век разрабатывал новую эстетику формализации материально-духовных составляющих художественного образа – придание канонической формы хаосу реальности и реализма. По Мандельштаму, поэтическое творчество есть «выжимание» формы из содержания; то содержание, из которого «выжимается» форма, само есть форма [9]. По закону универсальной субститутивности, любое изменение формы меняет и содержание. Выжатое содержание и есть оптимальная форма.

Лингвистическая предметизация семантической неопределённости как черты идиостиля и жанровой доминанты в прозе Мандельштама указывает на парадигматические связи лингвокультур Серебряного века и античности, выходящие за рамки подражания (как это традиционно характеризуется в литературоведении). Основные составляющие идиостиля писателя могут быть представлены как вызываемые к жизни техники понимания, направленные на усмотрение смыслов.

1. Превалирование метонимических структур при создании образов в отличие от более привычных техник метафоризации [11]. Метонимия в поэзии и прозе Мандельштама является средством смыслопорождения, основанном на семантической неопределённости. Метонимический принцип моделирования смыслов составляет основу идиостиля этого автора – одновременность существования идеальной и объективной реальности. Образы у Мандельштама – это всегда элементы более объёмной конструкции его художественного мира. Так, в рассказе «Бармы закона» плавающие во рве отчуждения бармы закона одновременно реальны и символичны, как знак попрания законов, прежнего порядка и установления принципа анархии жизни.

2. Метонимический принцип создаёт особую интегративность текстов Мандельштама. Усмотреть смысл текста на основании образа, отсылающего к другому тексту (приём подтекста), можно опознав то

целое, к которому отсылает метонимия (часть) нового текста. Техники усмотрения и восстановления смысла извлекаются из самого текста и субъективного опыта читателя, который пробуждается текстом.

3. Мандельштам пользуется разными способами именования, позволяющими не назвать, а выразить. Называние извлекает *универсальную* сущность, искусство же стремится к созданию *единичной*: «единичные сущности именуются, а универсальные сущности обозначаются» (Иоанн Солсберийский) (цит. по: [14, с. 316]). Именование требует использования техники индивидуации (по образу автора, по двойственной структуре текста, по его жанру, по тематичности, по эмоциональной нейтральности текста (см.: [10]).

4. Гетерогенные элементы текста интегрированы в единой смысловой рамке (использование техники схематизации – смыслового среза текста, рационального отображения переживаемого). Язык становится не только материалом и средством, но и целью – слово уже выжимка смысла [9]. Атрибуты, не принадлежащие вещи, но взятые от комплексов, в которых вещь участвует, становятся единицами смысла: примером могут служить образы Феодосийской жизни (женское вече водокачки, мушиные посиделки жителей, мачта дома-корабля Мазесы и др.).

5. Мифологический принцип опредмечивания смыслов реализован в том, что тексты О. Мандельштама образуют единое смысловое пространство, аналогично корпусу мифов. Подобно тому как в «Мифологичных» К. Леви-Стросса каждый миф можно рассматривать как смысловую трансформацию других, так и у Мандельштама каждый текст оказывается посредством смысловых оппозиций связанным с другим [6].

6. Смещение авторской позиции в сторону безличности вместо стремления к авторскому самовыражению проявляется у Мандельштама в цикле «Феодосия» в форме реализации авторского Я – равновеликого культуре, природе, истории; голос автора воспринимается как «голос универсального человеческого начала в данной уникальной культурно-исторической и природной ситуации» [6; 5].

7. В текстах присутствуют темы глобального философского или культурно-исторического плана: драма *времени и пространства, природы и культуры, бытия и истории, судеб человека* в природном и историческом мире — *его жизни и смерти, творчества и творения* и т. п. Эти глобальные темы могут трактоваться либо в достаточно отвлечённом, абстрактном плане, либо более конкретно: например, падение Крыма как провал между Чёрным морем и Петроградом. Характеристика «временем» очень сильно ощущается в «Феодосии» Город нынешний постоянно сравнивается с городом историческим, и является как бы одновременным существованием старого и нового. Стиль Мандельштама имеет откровенную тенденцию интенсивно «сокращать» внешний мир.

Отчасти такой эффект достигается так называемыми параллелизмами большого охвата (см.: [13]).

8. Одновременное растягивание смыслов глобального и конкретно-бытового. Например, в «Феодосии»: «Начальник порта» и «Старухина птица» – неприкаянность героя и его причастность глобальности происходящего, «Бармы закона» и «Мазеса да Винчи» – конкретика быта и абстракция, вневременность событий войны. Но как раз сочетание этих трёх свойств – ориентированности на универсальную человеческую сущность, привязанности к онтологическим и культурно-историческим «общезначимым вопросам» и особая «конкретно-чувственная логика» характерны для мифологических текстов. Таким образом, создаётся образ триединого мира: личное, вечное, конкретно-воплощённое.

9. Создание семантической неопределённости и построение новых смысловых рядов в прозаическом цикле Мандельштама реализуется на всех уровнях: «фабульном», синтаксическом в широком смысле слова, на уровне лексической сочетаемости и т.д. Широко используется неопределённая модальность описываемого события: нельзя сказать, идёт ли речь о «действительном» или о «возможном» или «воображаемом». Доминирующей модальностью является именно «неопределённое». На фабульном уровне неопределённость широко представлена в локализации происходящего, коммуникативном статусе (например, неясно, к кому обращен текст; является ли данный фрагмент текста обращением или названием, воспоминанием и т.д.), экзистенциальном статусе, на уровне нарратива – неопределённости позиции рассказчика (он является основным действующим лицом только в одном из рассказов, и то как субъект значащего переживания «дегуманизация жизни»).

Таким образом, на всех уровнях понимания текста О. Мандельштама метасредство семантическая неопределённость моделирует герменевтические стратегии античности:

- семантизирующее понимание: предполагает рефлексивную остановку в связи с высокой энтропийностью текста (неожиданность семантических сочетаний, наличие большого количества иноязычных слов, имён собственных, общая повышенная информативность единиц лексики и синтаксиса, ведущая к семантической неопределённости);
- когнитивное понимание: рефлексивная установка связана с необъяснённой (импликационной) текстов, отсутствием реальностных референций; мир текста замкнут в себе или разомкнут, приводя к дизъюнкции реальностных объектов. Содержание текстов также характеризуется семантической неопределённостью;

- **распредмечивающее понимание**: наличие «символических операторов» (в форме аллюзий, цитатности) и абсолютная актуализация. Текст требует подстановки контекстов для преодоления непонимания.

Усмотрение доминанты «античность» (во всех её проявлениях) в текстах рассказов цикла возможно при реализации трёх типов понимания, т.е. – на всех типологических уровнях. При этом активируется к использованию набор техник понимания, задающих направления интерпретации (контексты): поэтические черты в контексте прозы поэта; выражаемое мироощущение; сквозные образы и приёмы в поэзии и прозе; метонимичность как реализация объективирующей тенденции; семантическая неопределённость и удвоение реальностей (в композиции, системе героев, образе рассказчика, идейной интегративности). Принцип неопределённости реализуется с помощью баланса текстообразующих тенденций (повышенной энтропийности, баланса экспликационности и импликационности, абсолютной актуализованности текста, абсолютного превалирования содержательной формы).

Список литературы

1. Амелин Г.Г., Мордерер В.Я. Миры и столкновенья Осипа Мандельштама [Электронный ресурс] / Г.Г. Амелин, В.Я. Мордерер / Режим доступа: http://magazines.russ.ru:81/novyi_mi/filos/amelin/m02.html. – Дата обращения : 06.10.2013. – Загл. с экрана.
2. Гаспаров М.Л. Поэтика «Серебряного века» [Текст] / М. Гаспаров // Русская поэзия «Серебряного века», 1890–1917 : Антология. – М. : Наука, 1993. – С. 5–44.
3. Жолковский А.К. Блуждающие сны и другие работы [Текст] / А.К. Жолковский. – М. : Наука – Восточная литература, 1994. – 428 с.
4. Ковельман А. Б., Гершович У. Бегство от логоса: к пониманию раввинистической герменевтики [Электронный ресурс] / А. Ковельман, У. Гершович / Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/102/ko4-pr.html>. – Дата обращения : 06.10.2013. – Загл. с экрана.
5. Костова-Панайотова М. «Египетская марка» Мандельштама: между текстом и цитатой [Электронный ресурс] / М. Костова-Панайотова / Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/12492>. – Дата обращения: 06.10.2013. – Загл. с экрана.
6. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма [Электронный ресурс] / Ю.И. Левин, Д.М. Сегал, Р.Д. Тименчик, В.Н. Топоров, Т.В. Цивьян / Режим доступа: <http://novruslit.ru/library/?p=13>. – Дата обращения : 06.10.2013. – Загл. с экрана.

7. Мандельштам О.Э. О природе слова [Электронный ресурс] / О. Мандельштам / Режим доступа: http://www.silverage.ru/poets/mandel/mand_slovo.html. – Дата обращения : 06.10.2013. – Загл. с экрана.
8. Мандельштам О.Э. Слово и культура [Текст] / О. Мандельштам // О.Э. Мандельштам. Собрание сочинений в 4 т. – М. : Арт-Бизнес-Центр, 1993. – Т. 1 – С. 211–215.
9. Мандельштам О.Э. Разговор о Данте [Текст] / О. Мандельштам // Мандельштам О. Собрание сочинений в 4 т. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1994. – Т. 3. – С. 216–260.
10. Невзглядова Е. Звук и смысл [Текст] / Е. Невзглядова // Urbi: Литературный альманах. Выпуск семнадцатый. – СПб. : АО «Журнал “Звезда”», 1998. – С. 71–82.
11. Ронен Омри «Кашей» [Электронный ресурс] / Омри Ронен / Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/9/ro14.html>. – Дата обращения : 06.10.2013. – Загл. с экрана.
12. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение [Текст] / Г. Щедровицкий // Щедровицкий Г.П. Проблемы семантики. – М. : Наука, 1974. – С. 76–111.
13. Якобсон Р.О. Грамматический параллелизм и его русские аспекты [Текст] / Р. Якобсон // Якобсон Р.О. Работы по поэтике – М. : Прогресс, 1987. – С. 99–132.
14. Якобсон Р.О. Речевая коммуникация [Текст] / Р. Якобсон // Якобсон Р.О. Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – С. 306–330.

TEXTUAL REPRESENTATIONS OF LINGUISTIC AND CULTURAL PARADIGMS

M.V. Oborina

Tver State University, Tver

Linguistic and cultural paradigms exist in the syntagmatically arranged texts as dominant features of genres. Genre dominants exist and are comprehended as meta-means serving to mold meta-ideas.

Keywords: *linguistic and cultural paradigm, genre dominant, hermeneutic strategy, harmonious balance of textual trends, semantic ambiguity, meta-means, meta-ideas.*

Об авторе:

ОБОРИНА Марина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Тверской государственной университет, e-mail:mobor@mail.ru